

— О! — Генерал Хунмэнь был грубым человеком. Разрешив свою проблему, он отпустил Редьку и велел ему заменить Чай Цзыжаня у барабана, строго предупредив:

— Попробуй только повертеть задом, и я тебе покажу!

Редька: «...»

Редька, подчинившись приказу генерала, быстро подбежал к Чай Цзыжаню и вежливо изложил свою просьбу. Тот, увидев, что его заменяют, обрадовался и несколько раз искренне поблагодарил, бросив большую дубину и с облегчением вздохнув:

— Хорошо, что я догадался задом вертеть, а то бы до вечера тут стучал.

Редька был высоким и тощим, руки у него были тонкие, как бамбуковые палки. Взяв дубину, которая была толще его руки, он принялся колотить в барабан выше его собственного роста. Сделав несколько ударов, он вдруг возжелал повторить трюк Чай Цзыжаня, чтобы и его, как генерала Хунмэня, кто-нибудь подменил.

Чай Цзыжань, закончив разминать ноги, принялся за руки и, похлопав Редьку по плечу, с благодарностью сказал:

— Молодец, братец, держись! Я в тебя верю.

— ... — Редька молча взглянул на бесстрастного генерала Хунмэня, затем на своё тощее тело и понял, что хитроумная уловка Чай Цзыжаня ему не по зубам.

К счастью, стражники управы не заставили себя долго ждать, и вскоре вышел человек, чтобы проводить всех, вызывающих к правосудию, в зал суда.

Зал суда, хоть и был заполнен людьми, оставался светлым, особенно благодаря табличке с четырьмя иероглифами «Честность и справедливость», висевшей над судейским столом и сверкавшей позолотой.

Первая мысль, посетившая жителей Суюй, когда они вошли в зал: «Начальник-то, видать, богатый!»

Вторая мысль: «Жаль, рожа слишком суровая, а то бы можно было подмазаться».

Богатый и суровый Мо Цзюцзюнь был облачён в свой вечный тёмный халат, на груди которого красовалась серебряная волчья голова. Увидев, что в зале шумно, он нахмурился, стукнул судейским молотком и властно произнёс:

— В зале суда соблюдать тишину!

Чай Цзыжань, ухмыляясь, вернулся на своё место секретаря, прихватив с собой Редьку для услуг. Он тут же отдал приказ:

— Ступай в задний двор, принеси чай «Билочунь» высшего сорта, несколько разных закусок да пару блюдец с семечками.

— ... — Редька, будучи добропорядочным гражданином, задумался и осторожно возразил:

— А разве это уместно?

Чай Цзыжань фыркнул:

— Как же можно представление смотреть без чая да закусок? — Он взглянул на Редьку, как на полного профана, и, видя, что действие вот-вот начнётся, заторопил:

— Живо, живо, скорее! Сейчас начнётся!

Редька с выражением «ты же сам знаешь, что это не представление» оглянулся на генерала Хунмэня, который смотрел на него строго, и, поняв, что тому сейчас не до него, послушно отправился выполнять поручение.

Зал суда был просторным, но из-за обилия народа казался тесноватым. По бокам выстроились стражники, поддерживая порядок.

Цзинь Синь, облачённый в ярко-красный свадебный наряд с большим красным цветком на груди, с тревогой смотрел на своего отца. Чжан Хуахуа, с видом, будто у неё родного отца поминают, молча утирала слёзы, а рядом с ней стояла Матушка Хуа из терема Хуахуа, которая с негодованием подавала ей платок. Бабушка Чжан Хуахуа смотрела на Цзинь Синя с пугающей злобой. Вокруг толпились свидетели дела Хуахуа и несколько крепких солдат — подручных отца Цзинь Синя.

Чай Цзыжань, покосившись на вход, с сожалением отметил, что одна из главных фигуранток, Чжу Чжу, и её отец ещё не прибыли. Только он об этом подумал, как в зал вбежала женщина в алом свадебном наряде, с грохотом звенящих украшений на голове, в одной руке сжимающая смятый, словно тряпка, красный платок.

Мясник Чжу бежал следом, держа в руках её красные туфли с вышитыми уточками, и кричал:

— Доченька! Доченька! Туфли! Туфли ты обронила!

Мясник Чжу кричал так от самого дома до управы и, наконец, удостоился того, что его дочь обернулась. Он радостно взмахнул туфлями:

— Доченька, туфли твои!

Чжу Чжу, скрежеща зубами, выкрикнула:

— Жених-то мой сбежал, на кой мне теперь эти старые туфли?! — С яростью швырнула смятый платок в сторону отца и, подобрав подол платья, вихрем ворвалась в зал суда.

Невеста всегда привлекает взоры, даже если она босая. Народ расступился, давая ей дорогу, — все, кроме убитой горем Чжан Хуахуа и Цзинь Синя.

Чжу Чжу, вне себя от паники, замахнулась и отвесила Чжан Хуахуа пощёчину. Та, хоть и тысячу раз твердила себе, что Цзинь Синь — не её судьба, в этот миг почувствовала небывалую боль. Задумавшись, она не успела уклониться, и её бледная щека приняла на себя звонкий удар, оставивший красный отпечаток пяти пальцев.

Чжан Хуахуа резко подняла голову и, глядя на растерянного Цзинь Синя, с сарказмом произнесла:

— Господин Цзинь Синь, так вот она, та самая «нежная, как белый лотос», девица, которой я, по-вашему, и в подмётки не гожусь? Смешно.

Чжу Чжу вздрогнула, взгляд её, упавший на Цзинь Синя, наполнился слезами. Она прикрыла лицо и заплакала:

— Господин Цзинь Синь, Чжу Чжу знает, что недостойна вас, но этот брак вы сами предложили. — Она смотрела на него, как закатная заря, — прекрасная и печальная. — Но почему же сегодня вы решили опозорить меня на глазах у всех и... — Она с ненавистью уставилась на Чжан Хуахуа, — и связались с этой продажной тварью?

Матушка Хуа, управляющая этим самым «приютом продажных тварей», усмехнулась и с презрением молвила:

— Говоришь, как будто сама святая. Мои девушки может и продажные, да только получше иной бесстыжей стервы будут.

Цзинь Синь хотел было что-то сказать, но был потрясён тем, как Чжу Чжу предстала перед судом. Ему было больно осознавать, что она, возможно, не так проста, как казалась. Но ведь она спасла ему жизнь. Он подошёл к ней, чтобы утешить:

— Чжу Чжу, не бойся. Я всё объясню отцу, и мы вернёмся завершать свадьбу.

— Отец? — Чжу Чжу с изумлением оглядела зал, заметив важного мужчину, стоявшего непоколебимо, как гора. Она всё поняла и, проклиная свою вспыльчивость, бросила Чжан Хуахуа виноватый взгляд и поклонилась в знак извинения:

— Прости, девушка Хуахуа, я погорячилась. Ты же женщина, ты меня поймёшь.

Этими словами Чжу Чжу объяснила свой поступок и принесла извинения. Будь Чжан Хуахуа великодушной, на том бы и закончилось. Не знающие всех обстоятельств люди в зале начали шептаться: мол, Чжан Хуахуа — известная девица из веселого дома, а тут жених чужой стоит, кого угодно в гнев приведешь, не то что невесту.

Чжан Хуахуа нахмурилась. Щека её всё ещё горела, и спускать такую обиду она не собиралась. Она сделала два шага вперёд и отвесила Чжу Чжу такую же звонкую пощёчину. Тяжёлое свадебное украшение на голове Чжу Чжу зазвенело, она отшатнулась на два шага и с изумлением уставилась на обидчицу:

— Ты посмела ударить меня?

Чжан Хуахуа усмехнулась:

— А ты что, уездный начальник Суюй, что ли? Бью, потому что заслужила.

Чжан Хуахуа, только что казавшаяся такой хрупкой, в мгновение ока превратилась в разъярённую львицу. Чай Цзыжань, наблюдая за этим, пришёл в полный восторг. Вот это он понимал — настоящее зрелище! В одной руке у него была чашка, в другой — горсть семечек, хлопать было нечем, так он крикнул:

— Bravo! Отлично сказано!

Все присутствующие уставились на слишком уж вальяжного секретаря, и у всех на лбу выступил пот.

Чай Цзыжань скромно положил руки на стол, поклонился всем и сказал:

— Не стесняйтесь, продолжайте, продолжайте. Не обращайтесь на меня внимания, я просто зритель.

Все: «...»

Чжан Хуахуа ненавидела Чжу Чжу всей душой и ударила её что есть силы. Алый отпечаток пяти пальцев проступил на бледной щеке Чжу Чжу, став таким же ярким, как её свадебный наряд. Она прижалась к Цзинь Синю, смотря на него умоляюще, слёзы навернулись на её глаза.

Цзинь Синь, видя, как страдает его невеста, взъерошился, как разъярённый котёнок, и, уставившись на Чжан Хуахуа, крикнул:

— Как ты смеешь её бить?!

<http://bllate.org/book/15931/1424060>